

Малозёмова Е.И.
кандидат исторических наук, научный сотрудник
отдела «Арсенал» Государственного Эрмитажа

ИРАН И РОССИЯ В КУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ:
«РУССКО-ИРАНСКАЯ» САБЛЯ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

На протяжении многих столетий культурные, экономические и политические связи России и Ирана носили вполне устойчивый характер. Официальные отношения между двумя странами начали складываться еще в XV веке¹. Особенно тесными они стали с конца XVI в., когда при царе Федоре Иоанновиче установились дружественные торговые и дипломатические отношения между двумя государствами. С 80-х гг. XVI в. по конец XVII в. в России побывало двадцать девять иранских посольств, а с 1588 года по 1621 послы из Ирана в Москву и из Москвы в Иран отправлялись ежегодно². Кроме того, частыми гостями в русской столице были и восточные купцы, привозившие с собой не только пряности, драгоценные ткани и ювелирные изделия, но и холодное оружие³.

В коллекции Оружейной палаты Московского Кремля есть множество материальных свидетельств этих встреч. В описях Оружейной палаты упоминается целый ряд предметов вооружения иранской работы, большей частью церемониального характера. В составе оружейного собрания русских государей значатся, например, иранские ножи и пернаты XVII в.⁴ Один из пернатов, золотой, был поднесен царю Алексею Михайловичу от персидского шаха во время посольского приема в

¹ Сухоруков С.А. Иран: между Британией и Россией. От политики до экономики. СПб.: «Алетейя», 2009. С. 41.

² Тихомирова Е.В. На кизылбашское дело.// Родина. №5. С. 44-47.

³ Парадное оружие и конское убранство XVII-XVIII вв. М.: «Изобразительное искусство», 1986.

⁴ Опись Московской Оружейной палаты. Ч.4, Кн. 3. Холодное оружие. М., 1885. С 33,35, 255-287.

Грановитой палате в феврале 1658 года⁵, а еще в 1617 году царь Михаил Федорович получил в подарок от персидского купца Мехмет-Касима церемониальный кинжал, который был включен в состав предметов большого наряда⁶. Согласно описи, булава большого наряда царя Ивана Алексеевича тоже была иранской работы XVII столетия: «в 200 году Марта 15 день прислал великому Государю Царю и великому Князю Ивану Алексеевичу Персицкой Сулейман Шах с послом своим Сулеин Ханом и двумя купчинами»⁷. Как свидетельствуют описи Оружейной палаты, иранское оружие было и в коллекции Петра Великого, хранившейся в Рюст-камере, откуда в 1810 г. в Оружейную палату поступил чекан иранской работы XVII столетия⁸.

Холодное оружие стран Ближнего Востока и в частности Ирана снискало заслуженное уважение и в Европе, и в России не столько за богатое убранство, сколько благодаря металлу, из которого оно ковалось - сверхвысокоуглеродистой стали, которую в России называли булатом (термин происходит от персидского слов *پُلَاد* ‘*pulād*’, “сталь”). Сами названия сортов высококачественного булага – «кермани» (перс. «керманский»), «хорасани» (перс. «хорасанский»), «кара хорасан» (туркск. «черный хорасанский»)⁹, в которых звучат названия провинций Ирана Керман и Хорасан – указывают на их происхождение. Иранские мастера знали цену своему оружию, обладавшему отличными боевыми качествами, поэтому поначалу только иранские шахи и купцы¹⁰ посылали не всегда оправленные клинки, но и просто полосы. (В начале XIX века в Россию были присланы и полосы, откованные, судя по надписям на самих

⁵ Там же. С. 33, 35.

⁶ Там же. С. 274.

⁷ Там же. С. 10.

⁸ Там же. С.40.

⁹ Годеновский Н.Б. Тайна булатной стали. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2010. С. 31

¹⁰ Тихомирова Е.В. Указ. соч.

клинках, в Стамбуле в 1817 и 1818 годах специально для Александра I¹¹.) В мастерской Оружейной палаты было налажено специальное производство по изготовлению рукоятей, оправ и монтировке знаменитых восточных клинков. Большинство сабельных клинков большого наряда русских государей были иранскими и турецкими¹². На привозном оружии русские оружейники знакомились и с разными формами этих клинков¹³. К началу XVII в. в иранском арсенале холодного оружия было уже несколько разных типов сабель, в том числе и знаменитый так называемый *шамишир* - неширокий, порядка трех сантиметров у пяты, но довольно толстый клинок с плавным легким изгибом во второй трети и столь же плавным сужением к острию.

Столь большое разнообразие оружия Ближнего Востока и в частности Ирана, появлявшегося в разное время на Руси и в России, оказало существенное воздействие на русское холодное и защитное вооружение. Создававшееся в мастерских Оружейной палаты оружие напоминало восточные образцы, как с точки зрения формы, так и оформления, характеризовавшегося неизменной насыщенностью цвета¹⁴, что в особенности проявилось на церемониальных предметах.

В XVII в. особое значение в арсенале русского защитного вооружения приобретает так называемый зеркальный доспех, состоявший, как правило, из четырех прямоугольных, круглых или многоугольных пластин-досок, служивших для прикрытия груди, боков и спины воина. Пластины часто полировались до зеркального блеска, украшались золочением, серебрением, чеканкой, резьбой и пр.¹⁵ В этом доспехе не

¹¹ Опись 1885. С. 146,147.

¹² Там же. С. 158-171.

¹³ Золотой век русского оружейного искусства. Царское оружие и конское убранство XVIII в. (Из собрания Государственной Оружейной палаты). М.: «Восхождение», 1993. С. 11.

¹⁴ Там же. С. 15.

¹⁵ Там же. С. 7.

трудно усмотреть несколько трансформированный образ иранской дополнительной защиты, т.н. چهار آینه - ‘*çahār āīne*’, перс. “четыре зерцала”, состоявшей из четырех прямоугольных пластин, надевавшихся при помощи ремней поверх кольчуги. В Оружейной палате сохранился подписьной зерцальный доспех мастера Дмитрия Коновалова, сделанный им в 1616 г. для царя Михаила Федоровича. Доспех послужил не только ему, но и его сыну Алексею Михайловичу, сопровождая государя в Смоленских походах 1654-56 гг.¹⁶

Оружейное производство кремлевских мастерских развивалось особенно быстро в первой четверти XVII века¹⁷. Никита Давыдов, которого часто называют отцом русских оружейников, до поступления в Оружейную палату в 1613 году, в которой прослужил в должности старшего мастера до 1664 года, учился у константинопольских, «царьградских», мастеров, переняв у них тонкую, ювелирную технику отделки оружия¹⁸. Описи оружейной палаты XVII в. упоминают сабли, выполненные на «турской, ширинской, кизилбашской, тавризской, литовский выков»¹⁹. Для овладения мастерством русских оружейников отправляли учиться в восточные страны. В первой четверти XVII столетия в Иран с посольством отправился самопальный мастер Тимофея Лучанинова для овладения пищальным и сабельным делом²⁰, а царь Алексей Михайлович послал трех мастеров в Астрахань учиться производству булаты²¹.

Свидетельство таких стажировок сохранилось и в собрании Государственного Эрмитажа.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Ларченко М. Н. Русское оружие XVII века. М.: «Реклама», 1971. С. 4.

¹⁸ Там же С. 6.

¹⁹ Ульянов О. Г. К проблеме работы «по образцу» в московской школе художественного оружия XVI—XVII вв. // Советская археология. 1990, №4. с. 92-105.

²⁰ Тихомирова Е.В. Указ. соч.

²¹ Figiel L.S. On Damascus Steel. New York, 1991. P. 10.

4 декабря 1823 года в коллекции оружия императорской семьи появилась восточная сабля (№В.О.-21), подаренная императрицей Марией Федоровной своему сыну, тогда еще Великому князю Николаю Павловичу²². Эта сабля была отнюдь не единственным такого рода подарком императрицы сыну, страстно увлекавшемуся оружием, чья личная коллекция легла в основу императорского Арсенала. Новоприобретенная сабля представляла собой хорошо оформленное оружие. Рукоять сделана по форме рукоятей иранских сабель и по традиции из двух пластин слоновой кости, но закрепленных на хвостовике не гвоздями, а фигурно выполненными заклепками. Латунный затыльник закрыт колпачком, который отличается по цвету и фактуре металла и от фигурных заклепок, и особенно от частично обломанной стальной крестовины, дополнительно закрепленной на рукояти одним из таких фигурных гвоздиков. От оформленной в технике инкрустации золотом(?) крестовины колпачок отличается еще и орнаментом, что свидетельствует о разновременности их создания. Деревянные ножны сабли обтянуты малиновым бархатом, а на обратной стороне дополнены нашитыми вдоль по краям двумя тонкими тесьмами. В иранской традиции оформления сабельных ножен тесьма обычно одна, и она нужна для маскировки шва, соединяющего примерно по центру обратной стороны ножен обтягивающую их вдоль ткань. В данном случае место соединения ткани не закрыто. Обоймицы и наконечник ножен, не вполне точно следует иранской форме, по металлу и растительно-цветочному орнаменту соответствуют колпачку навершия, что говорит об одновременности их создания. Орнамент сделан чеканкой в высоком рельефе по шероховатому фону, словно имитирующему зернь, известную в ювелирном искусстве Ирана и использовавшуюся иногда в качестве оформления фона на золотых обкладках ножен иранской работы. Форма собственно пластин

²² Инвентарь восточного оружия. Т.1. Л. боб.

обоймиц похожа на иранские, тогда как форма петель отлична. При этом обоймицы с обеих сторон дополнены у самых колец такими же, как и на рукояти, фигурными заклепками, не очень уместно смотрящимися в общем ансамбле, но необходимыми для поддержания единства ножен и рукояти. Очевидно, заклепки появились самыми последними в комплексе элементов оправы этой сабли. Таким образом, рукоять и ножны сабли едва ли могли быть истинно иранского происхождения. Скорее, их сделали уже тогда, когда клинок и крестовина появились в России, но на иранский манер, с последующими дополнениями в виде заклепок.

Сам же клинок откован из узорчатой стали, но не самого высшего сорта. Он не очень значительно изогнут и снабжен системой долов, состоящей из трех узких долов у самого обуха и расположенного под ними длинного. Такой или похожий рисунок долов известен и на других саблях с разной геометрией клинка²³, вопрос о месте исполнения которых продолжает оставаться открытым. Мастером, выковавшим этот клинок, был некто Хусейн Ширази, как об этом говорит инкрустированная золотом(?) арабская надпись в фигурном картуше на правой, лицевой, стороне клинка: عمل حسين شيرازی ‘amila husain şirazi’, “сделал Хусейн Ширази”. Вокруг этого картуша расположен сделанный в другой технике, уже не инкрустации, а насечки орнамент из золота(?) отличного цвета, который спускается ниже к самой пяте клинка, заполняя всю поверхность фона плотным растительно-цветочным орнаментом, построенным на основе переплетений стеблей, листьев саза и двух видов пятилепестковых цветов. В этот орнамент, в целом похожий на орнаменты обрамлений

²³ Elgood R. The Arms and Armour of Arabia in the 18th-19th and 20th centuries. Scolar Press. 1994. P. 21, 24; The Arts of the Muslim Knight. The Furusiyya Art Foundation Collection. Ed. B. Muhamed. Skira. Milan-New York. 2008. P.80; Восточное оружие в частных коллекциях. СПб. 2013. С. 145; Земное искусство – небесная красота. Каталог выставки. Под общ. ред. М.Б. Пиотровского. СПб. 2000. С. 312–313.

миниатюр второй половины XVII в., выполненных на отдельных листах²⁴, прямо под картушем внедрены две латинские буквы «МГ», тоже обведенные своеобразным картушем. На оборотной стороне клинка орнамент повторяется. Оборотная сторона оказывается даже более информативной, поскольку наряду с орнаментальным построением содержит выполненную кириллицей по-русски надпись, гласящую «Делана в Испохане лета РПЕ», то есть надпись указывает на работу, сделанную в 1677 году²⁵ в городе Исфахане, который в это время был столицей Ирана. Работа при этом подразумевается не кузнечная, поскольку мастером кузнецом был Хусейн Ширази, а ювелирная, уже по оформлению самой готовой сабельной полосы. Ее-то и делал человек, который оставил русскую надпись. Причем эта работа отличается от работы в традициях ювелирного оформления клинового оружия Ирана.

Иранские сабельные полосы в принципе практически не дополнялись орнаментом, поскольку на них лучше всего можно было показать красоту собственно булаты, который часто по-персидски называли پلاذ جوهردار *pulād-e jauhardār*, то есть «сталь, обладающая драгоценностью», где под «драгоценностью» подразумевается булатный узор, истинное украшение клинка. Ювелирное же оформление этот драгоценный узор должно было лишь подчеркнуть, но не перебивать, поэтому заполнение орнаментом большой поверхности клинка не было свойственно иранскому клиническому оформлению. Кроме того, если оформление и появлялось на длинноклинковом оружии, то чаще всего только на одной, лицевой, стороне клинка. Таким образом, насеченный орнамент на сабле был выполнен на основе иранской художественной орнаментальной традиции, но в соответствии со вкусами оформителя. Имя этого русского мастера, как видно, посланного учиться оружейному делу в

²⁴ Адамова А.Т. Персидская живопись и рисунок XV-XIX веков в собрании Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.: «Славия», 1996. С. 230-240.

²⁵ Инвентарь восточного оружия. Т.1. Л. боб.

Исфахан - один из основных иранских центров производства оружия (при этом совсем не обязательно, что сама полоса была откована в Исфахане) - зафиксировано в виде инициалов «МГ», проставленных с той стороны клинка, где уже было нанесено имя мастера оружейника. Известно, что в России право ставить свое имя или клеймо на изделиях давалось не многим оружейникам, и некоторые мастера клеймили свою работу либо полностью фамилией, либо инициалами. Например, инициалы «М.Т.В.» подразумевают «мастер Тимофей Вяткин»²⁶. Какой конкретно мастер скрывается за инициалами «МГ», пока трудно сказать.

Сабля с похожим по принципу оформления клинком, принадлежавшая Петру Великому, есть в коллекции Оружейной палаты²⁷. Едва ли клинок этой сабли можно атрибутировать как иранский середины XVII в. Такой формы полосы с длинным шилообразным острием характерны для черкесской оружейной традиции XVI-XVII вв.²⁸ Оформление также нельзя рассматривать как иранское не только из-за плотного заполнения орнаментом поверхности полосы у пяты, но и из-за форм картушей, оставленных для надписей. Надписи также не отличаются каллиграфическим исполнением, столь свойственным иранским ювелирам, а сделаны не очень умелой рукой. Качество воспроизведения надписей в доступном автору издании не слишком высокое, но в верхнем картуше хорошо прочитывается арабское возвзвание к Аллаху *فتح يا فتاح* - ‘*ja fattāh*’ , “О, Завоеватель!”. Надпись во втором картуше видна хуже, но, тем не менее, можно с долей осторожности рассмотреть выполненное не совсем грамотно по-персидски предложение *حسین او عمل* ‘*amal-e u(?) husain*’ , “работа эта(?) Хусейна”, и арабское слово *سنة* ‘*sinnatun*’, “год”, но без указания обычной в таких случаях конкретной даты. Складывается

²⁶ Золотой век... С.4,5.

²⁷ Там же.

²⁸ Художественное оружие из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб: «Славия», 2010. С. 118. № 244.

впечатление, что надпись писал человек, плохо знающий арабский и персидский язык, но умеющий, тем не менее, писать стандартные для оружия надписи и свое имя. В нижнем же картуше инкрустированы буквы, также с известной долей осторожности из-за качества фотографии позволяющие транслитерировать их как ‘t(?)ārzāf’ и прочесть в варианте русской фамилии «Тарасов». Тогда, в соответствии с восточными традициями, получается, что клинок делал мастер Хусейн (скорее всего, следовательно, черкес), а его оформление принадлежит уже русскому мастеру.

Еще одна похожая по принципу оформления сабля, дополненная тоже не только орнаментом, но уже имитацией арабской надписи, была в императорской Рюст-камере. Эта сабля (№ОР-143) атрибутируется как пример работы русских мастерских XVII в., ориентировавшихся на иранские оружейные традиции²⁹.

В собрании Государственного Эрмитажа есть и еще одна сабля (№В.О.-2842) с «клином турецкого типа с элементами иранского влияния», датированная по-арабски годом, соответствующим 1599, которая, по мнению специалистов, была декорирована русским мастером³⁰.

Все рассмотренные выше сабли – это материальные свидетельства контактов русских и иранских мастеров в области оружейного дела, самым ярким и достоверным среди которых, несомненно, является сабля, оформленная в Исфахане мастером с инициалами «МГ».

²⁹ Левыкин А.К. Московский Кремль. Императорская Рюст-камера. СПб.: «Атлант», 2004. С. 24

³⁰ Художественное оружие... С.164. №343.